

Н.Ю. Налётова

Христианская антропология в педагогической науке

В статье говорится о том, что воспитательные принципы христианской антропологии могут быть актуальны для современной отечественной педагогики, поскольку ориентируют на личностный подход в образовании.

Ключевые слова: христианская антропология, православное образование, личностно ориентированный подход.

N.Yu. Naliotova

Christian anthropology in pedagogical science

In article it is said that educational principles of Christian anthropology can be actual for modern domestic pedagogics as focus on the personal approach in formation.

Key words: Christian anthropology, orthodox formation, personal-focused approach.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его. И создал Господь Бог человека из праха земного, вдохнул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою
(Быт. 1:27)

Вопрос о сущности человека и путях его духовно-нравственного становления являлся и является центральным предметом общественного научного интереса, нашедшим свое отражение в различных философских, педагогических учениях.

Общенаучная антропологическая ориентация в концепциях образования всегда исходила из понимания человека как универсальной свободной и ответственной сущности. Педагогические действия должны соотноситься с его целостностью (К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, П.Ф. Каптерев, В.Г. Куликов, Е.А. Плеханов).

Наряду с общенаучной существует православная антропология как раздел богословия, посвященный раскрытию «учения Церкви о человеке», отправной точкой которого является утверждение Божественного Откровения о том, что человек несамобытен – он сотворен Богом.

В христианской антропологической концепции можно выделить следующие ключевые положения:

- интегральная антропологическая характеристика в христианстве указывает на естественно-природное и трансцендентное сотворение человека **по Образу и Подобию Божию**;
- Образ Божий в человеке дарует человеку начало личности, являющееся центром человеческой природы, духовным средоточием человека;

- Образ Божий в христианстве интерпретируется не только как «субстанциональная личность», но и как имманентное стремление индивида к обретению онтологической полноты, то есть стремление к **«обождению»**, богоуподоблению, богопознанию, которое становится задачей человеческой жизни;
- центральным тезисом христианской антропологии является то, что личность и ее свободное самоопределение опосредует конечную участь человечества;
- грех, вошедший в человека через мистическое единение всех людей, приводит к раздвоению духовной жизни человека. После грехопадения человек утрачивает свое естественное состояние, его заменяет состояние греховно-падшее;
- духовная жизнь требует спасения, которое состоит в восстановлении единства духовной жизни, в благодатном **преображении** естества;
- **спасение** совершается лишь в богочеловеческом порядке, то есть при сочетании благодатной помощи свыше, и свободного устремления души к Богу, предполагающего свободный акт – раскаяние;
- знание о человеке как свободной и разумной личности, стремящейся возвыситься в своей жизни до бого-человеческого нравственного совершенства, основывается на личности самого Бого-человека, воплотившего в себе не эллина или иудея, а всечеловека, и тем самым утвердившего общечеловеческий духовно-жизненный смысл;
- спасение процесс не только сугубо индивидуальный, но надиндивидуальный. В этом смысле заключается реальность Церкви как

бого-человеческой соборности, где духовная жизнь человечества находит свое преображение.

Мы убеждены, что общие религиозно-антропологические построения не могут быть в полной мере преломлены в систему конкретно педагогического знания. Следует также уточнить, что попытки реализации религиозно-антропологического подхода в системе научно-педагогических теорий нашли свое концептуальное оформление сравнительно недавно. Такое явление педагогической культуры, как православная педагогика, сформировалось под воздействием общественных и духовных процессов России только в 60-х годах XIX века.

Для Русской Православной Церкви, которая, бесспорно, являлась первым нашим просветителем, антропологическая концепция намечает общие ориентиры и является своего рода идейным фоном, на котором она выстраивает свою образовательную парадигму.

Понимание основной линии человеческого бытия **искушение – падение – покаяние – искупление – преображение – спасение**, а также ключевой принцип христианской антропологии, предполагающий понимание человека **как Образа и Подобия Божия**, подразумевающий необходимость **«обожения»** (эквивалент духовно-нравственного совершенствования) – являются стержнем, определяющим в педагогической теории христианства систему ценностных координат.

Основной педагогической проблемой для Церкви является несовпадение сущности и природы человека. Природа характеризует человека как существо, сросшееся с миром, несвободное от эмпирического существования. Сущность же, выражаемая понятием «Образ Божий» трактуется как изначально не поврежденное, глубинное основание бытия человека. По убеждению православных подвижников духа, образование и воспитание есть пути исправления поврежденной антропологической природы. Драматизм человеческой ситуации в мире ярко высвечивает главную их задачу – возвращение личности собственной сущности.

Среди представителей историко-педагогической мысли наиболее глубокое и концептуально целостное обоснование сущности религиозного образования получило у В.И. Несмелова – дореволюционного исследователя, доктора богословия, преподавателя Казанской Духовной Академии. В своей статье «О цели просвещения», опубликованной в 1898 году в «Православном

собеседнике», В.И. Несмелов отмечает, что христианство открывает человеческой личности ее особое положение и назначение в мире. Христианство открывает ей образ того совершенного бытия, которому человек может и должен соответствовать в качестве нравственного существа. Это познание способствует просветлению Образа Божия в человеке, который есть начало личности; развитию личности с новым, благодатным, кругом желаний и стремлений, размышлений и чувств, в чем и заключается действительная образовательная сила христианства [1].

Здесь целесообразно указать на одну ошибку, допускаемую в современных научно-педагогических исследованиях, направленных на решение проблем педагогики с опорой на религиозно-антропологический аспект. Согласно христианскому учению, духовное начало личности, данное человеку, как основа его бытия, имеет индивидуальное и сверхэмпирическое происхождение. Ни образование, ни воспитание не создает «Образ Божий», а лишь развивает благодатные задатки. Образование предстает здесь как обновление, просветление, возрождение «Образа Божия» в человеке; образование Христова Образа в нем.

Возвращаясь к нашему исследованию, отметим, что Русская Церковь, которой православие вверяет общехристианскую истину, рассматривает образование как процесс усложнения и интеграции духовной жизни личности, заполненный преодолением раздвоения в ее духовной сфере. Как путь к совершенству, и не только к личному нравственному совершенству (которое есть лишь момент, входящий в состав конечной цели жизни), но и к совершенству как таковому.

При всем этом отметим, что Церковь может образовывать человека только одним способом – раскрывая ему смысл учения Христа, доводя до сознания людей содержание догматов и заповедей веры в их историческом и нравственном значении.

По мере усвоения христианского круга идей и ценностей личность в нравственном самосознании открывает себя как духовное, метафизическое существо. Христианская истина преображает и освещает всю внутреннюю жизнь человека. Духовно просвещенная личность уже не может по-прежнему относиться к эмпирической жизни, всецело подчиняясь стяжанию материальных, условных благ, поскольку понимает, что действительный смысл жизни – в ее духовном бытии. Христианство дает человеку объяснение этих противоречий, и насколько человек объясняет и

усваивает себе содержание христианской истины, настолько он и создает в себе то живое ядро личности [1].

Внутри себя христианство всегда заключает единый и неизменный смысл, однако, отвечая духовным запросам человека в различных исторических и общественных обстоятельствах, оно доносило истину в форме церковного просвещения и образования.

Другими словами, для реализации христианских идей Русской Православной Церкви нужен был педагогический механизм, которым становится церковная школа. Первоначально это была монастырская школа, появившаяся с принятием христианства. В петровский период, когда прежняя общенародная и общеобразовательная церковная школа была заменена сословной и профессиональной, возникла целая система религиозных учебных заведений (церковно-приходская школа, духовные училища и семинарии, духовные академии), осуществляющая, в свою очередь, задачу общенародного образования.

Ряд исследователей (иеромонах Е. Шестун, Е.А. Плеханов, Е.П. Белозерцев, Н.В. Тимашков, И.М. Коняева), говоря о православном образовании, подчеркивают, что оно есть явление, имеющее не национально-особенный, а общехристианский фундамент. Поскольку характер православного образования определяется не столько особенностями конфессионального вероучения и культа, сколько общехристианским содержанием. И церковная школа – в первую очередь христианская и лишь затем – православная [2].

С нашей точки зрения, православное образование является идейно целостным явлением русской педагогической культуры. Тезаурус «учения о спасении» является методологической основой всех его категорий и понятий, определяет их иерархию, связи, соподчиненность, структуру, закономерности – формирует всю систему православной (церковной) педагогики.

Обращаясь к этимологии слова «система», отметим, что данный термин изначально предполагает нечто целое, связанное, единое.

В.В. Воронов в учебном пособии «Педагогика школы в двух словах» определяет педагогическую систему как: «совокупность взаимосвязанных методов, процессов, необходимых для создания целенаправленного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами» [3]. Но при этом исследователь не оговаривает взаимоотношение, иерархию составляющих данную совокупность элементов. В учебном пособии «Педагогика» (авторы В.А.

Сластенин, И.Ф. Исаев) не указывается обязательный набор элементов педагогической системы, но предполагается их объединенность общей целью.

Исходя из вышесказанного, мы считаем возможным, обращаясь к православной педагогической системе, сосредоточить свое внимание на отдельных положениях и определить тот связующий принцип, на основе которого они образуют целостную совокупность.

1. Идея примата в человеке духовного над биосоциальным.

Идея человеческой природы, реализуемая христианством, непосредственно отражается на специфике воспитательного процесса. Основным направлением воспитания признается религиозно-нравственное воспитание, по отношению к которому развитие физических и интеллектуальных способностей, а также эстетических качеств личности, играет необходимую, но вспомогательную роль.

Правильное учение о соотношении духовного и эмпирического состава человека устанавливает существенное значение эмпирического развития, но предохраняет от ошибки поиска в эмпирическом развитии силы, создающей духовную жизнь. Духовная жизнь не нуждается в эмпирическом развитии, как опосредствующем начале. Смысл последнего христианство толкует в линиях инструментального его значения для правильного воспитания личности. Эмпирическое развитие, осмысляемое в свете учения о духовном начале, иерархически связывающем все в человеке, должно служить цели спасения личности через освящение и преображение эмпирического естества. Спасение не отрицает развития, но лишает его стихийной самооценности [4].

2. Идея сотериологической обусловленности образовательного процесса.

В христианстве цель жизни аксиоматична и изначально постулирована: спасение души – как богочеловеческий процесс, то есть процесс «обожения» (духовного совершенствования), ведущий к дальнейшему соединению с Богом в Царствии Божьем. Сам факт конкретизации целеполагания способствует более четкой ясной жизненной ориентации. Перенесение данной цели за пределы эмпирии – «спасение в вечности» – предопределяет всю жизнь как постоянный деятельный акт для ее достижения. Цель воспитания тождественна цели жизни. «Воспитание есть руководство человека к тому, чем он должен быть согласно своему назначению» [5, с. 25].

Таким образом, в христианском контексте воспитание есть руководство к богоуподоблению, процесс, направленный на конкретную личность, судьба которой уходит в эсхатологическую перспективу. Причем подчас сама здешняя жизнь в христианской традиции рассматривается как воспитание для жизни будущего века: «Прекрасно жить жизнью, чуждой жизни... Для всех превосходны слезы, бдения и труд. Для всех обуздывать ярость беспокойных страстей, преодолевать невоздержанность, склоняться под державную руку Христову и бояться грядущего дня. Если же идешь совершенно горным путем, ты уже не смертный, но один из небожителей» [6, с. 552].

Если воспитание должно затронуть самое существенное и глубокое в человеке, оно не может лишь в порядке риторики касаться проблемы конечной судьбы человека. Эта конечная судьба человека есть именно конечная, она предполагает жизнь во всей полноте и реальности. Императив духовно-нравственного совершенствования не препятствует, а способствует достижению личностью полноты жизни и счастья. Воспитание подходит к теме спасения не в отрыве от эмпирической жизни, а именно в связи с ней [7].

Если человек осуществит свою задачу, преодолеет свершившееся после грехопадения самоотчуждение, расколотость на духовное и животное, горнее и долнее, творение воссоединится с Творцом.

3. Положение об организации педагогической деятельности.

По существу, педагогическая деятельность есть унифицированная форма, в которой происходит передача знания. В христианском мировосприятии цель познания определяется не жаждой самосовершенствования, а необходимостью спасения души. В связи с этим конечной целью познавательных процессов признается не просто знание объективного мира, а богопознание.

Спасение души не происходит одномоментно, а растягивается на всю жизнь. Определяющим фактором этого процесса признается вера, которая есть универсальное измерение человеческого сознания, субъективности и духовности.

На вере базируется высшая степень познания – богопознание: «...хотя из создания мира познаем Его, но познание то, яко не совершенное, вера совершает... более от веры, нежели от разума познаем» [8, с. 273]. Иными словами, в христианстве вера становится первичным фактором духовного развития человека по отношению к интеллекту.

Как видно из истории, Русская Церковь всегда направляет свое педагогическое воздействие на формирование внутреннего человека, на развитие его сердечных качеств, а затем на этом основании обучает «премудрости» – знанию. Такое знание, проходящее через мировосприятие, жизненный опыт человека, характер, перестает быть безличным, «книжным» и преобразуется в личную функцию воспитуемого. Решаются одновременно вопросы и основательности усвоения знаний, их осмысления, и возможности практического применения в жизни, впитанной таким образом «премудрости» [9, с. 313-315].

Таким образом, воспитание и обучение есть взаимодополняющие средства на пути достижения цели жизни, что, в свою очередь, свидетельствует о сотериологической обусловленности христианской педагогической деятельности в целом.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что системообразующим принципом православного образования становится принцип богосообразности или сотериологизма: воспитание, образование, обучение направлены на спасение души как смысл и цель человека.

Употребляемые в православной богословской, учительной литературе термины «обожение» и «спасение», которые наиболее полно выражают существо святости (личностного идеала) и конечной цели человеческой жизни, требуют некоторого пояснения.

Обожение есть преображение человека (христианина) через Стяжание Духа Святого. Это своеобразная «лестница богоподобия», которая предполагает приобретение человеком божественных свойств [10, с. 69]. Эти свойства именуются добродетелями, которые приобретаются человеком в процессе духовного развития постепенно, образуя собой некую иерархию.

Смирение является первой из добродетелей, на которой зиждется все здание правильной духовной жизни. И. Брянчанинов писал: «Смирению уступают все страсти... Все добродетели усматриваются последующими за ним...» [11, с. 72]. Правильным будет отметить, что подчас слово «смирение» трактуется как несамостоятельность, зависимость, покорность, ущербность человека, который не способен к самостоятельным поступкам. Смирение по Евангелию есть «нищета духа» (Мф. 5; 3) есть сознание своих недостатков, слабостей, своего падения, своей греховности. И это видение преподобный И. Дамаскин назвал «началом просвещения души» [12, с. 432].

Но если вся «лествица добродетелей» строится на смирении, то увенчивается она той из них, которая больше всех (1 Кор. 13:13) – любовью. Все прочие свойства, например, радость, мир, доброта, долготерпение, благость, милосердие, вера – являются лишь элементами, входящими в любовь, но ни в коей мере ее не исчерпывающими. Любовь есть совершенное благо. Любовь есть высшее духовное состояние человека.

Однако степень этой духовности почти нельзя оценить извне в силу непроницаемости души для внешнего взора. Духовность, суть которой – любовь, определяется по характеру отношения человека к окружающему миру, в первую очередь, к другому человеку, к обществу, что есть христианская нравственность.

Спасение – длительный процесс, процесс постоянной работы человека над собой, подвиг, а препятствия на этом пути есть грехи. Православное богословие понимает под словом «грех» душевные и телесные страсти человека и причисляет к ним гордость, зависть, гнев, памятозлобие, клевету, осуждение, самолюбие, сребролюбие, лесть, лукавство, праздность, блуд, уныние и др.

В этом смысле, назначение христианской педагогической деятельности есть сопровождение процесса духовно-нравственного совершенствования. Задача учителя есть духовное руководство: воспитание добродетелей, которые в совокупности составляют основу его духовности и нравственности; помощь в искоренении греховных наклонностей.

Принципиальная идея христианства состоит в том, что спасение личности невозможно вне лона Церкви. Христианские богословы считали, что духовной жизни человека нужна не отвлеченная идея Церкви, отвлеченно признаваемая, а конкретное чувство Церкви, конкретная обращенность к ней, именуемая верой.

Следствием является то, что тема духовного воспитания и основная педагогическая проблема определяются как воцерковление – развитие и углубление чувства Церкви, непосредственного видения Церкви, веры в Церковь, служение Церкви. Эти задачи не реализуемы без участия в литургической жизни (таинства церкви) вне развития религиозного сознания (догматические истины, хранимые Церковью), вне живого приобщения к церковному разуму в его прошлом и настоящем.

Неслучайно, в рамках православной педагогической традиции духовное воспитание являлось важнейшей религиозной задачей, для решения которой необходимы: соподчинение всех

сторон жизнедеятельности воспитуемого религиозно-нравственному канону (воздержание, пост, молитва, труд); обязательная связь воспитательного коллектива с церковными приходами и участие в приходской жизни (участие в богослужении); согласование образовательного процесса с ритмом церковного календаря. Интересно, что все это в той или иной мере присутствовало в практике отечественной педагогики вплоть до Октябрьского переворота 1917 года.

Естественно, что такая постановка целей воспитания (спасение через воцерковление, через соблюдение канонов, уставных форм религиозной жизни и т.д.) связывает педагогику с богословием, что вызывает у исследователей мысль о том, что: «педагогика для Русской церкви есть всего лишь прикладная, дидактическая сторона богословия, которая может быть охарактеризована больше как ортодоксально-догматическая, чем творческая» [13, с. 21].

Это подводит нас к общему вопросу о значении религиозных канонов, уставности, правил, закона в воспитании и вообще духовной жизни.

Наиболее полно и систематично сущность уставности выражена у С.Л. Франка. Он считает, что в некотором смысле всякая вера абсолютно индивидуальна, спонтанно изнутри творимая и никогда не есть общая, для всех одинаково обязательная, извне налагаемая форма. Но, с другой стороны, сам процесс искания или осуществления формы – процесс творчества – обязательно содержит момент бесформенности, вольное, ничем не ограниченное, блуждание, которое есть необходимое условие для отыскания истинного пути и достижения правды. Из этого следует, что форма духовной жизни, определенная уставностью, правилами, законом, не выражает сполна сущности самой веры, а есть лишь внешняя ее оболочка [14, с. 304-305].

Из чего мы можем заключить, что общий смысл церковной уставности, закона заключается в их дисциплинарно-воспитательном значении. Духовная жизнь предполагает момент самоопределения, то есть преодоления высшим, духовным, богочеловеческим началом человеческой души ее низшей, темной и костной природы. В состав этого процесса самоопределения входит наложение на себя узды в форме подчинения себя общим правилам. Человеческая душа нуждается в воспитании, вся наша жизнь есть воспитание и самовоспитание. Воспитание же дается через дисциплину. Соблюдение закона, формируя душу, открывает путь к свободному творчеству. Приучая себя соблюдать определен-

ные правила молитвенной жизни или правила, ограничивающие хаотический произвол страстей, человек постепенно освобождается от рабства низшей, животной природы. Дисциплинарным значением также определены границы закона и исчерпывается его смысл в духовной жизни человека.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что если говорить о продуктивном потенциале христианской антропологии, то, несмотря на многолетний период забвения, ее идеи, концептуальные построения и воспитательные принципы могут представлять, на наш взгляд, существенный интерес для современной практики отечественной школы, которые возвращаются к личностно ориентированному подходу в образовании.

Библиографический список

1. Несмелов, В.И. О цели просвещения [Текст] / В.И. Несмелов // Православный собеседник. – 1898. – № 12. – С. 595-612.
2. Коняева, И.М. Духовно-нравственное воспитание личности в философско-педагогических воззрениях православных ученых России [Текст] / И.М. Коняева // Национальные лики педагогических универсалий (проблемы теории и истории русской педагогики) / сб. науч. ст. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 142-148.
3. Воронов, В.В. Педагогика школы в двух словах [Текст] / В.В. Воронов. – М., 1999.
4. Шестун, Е. (протоиерей) Православная педагогика [Текст] / Е. Шестун. – Самара: ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998.
5. Дернов, А.А. Методика Закона Божия. Чтения по Закону Божию. Об истинно христианском воспитании [Текст] / А.А. Дернов. – СПб., 1913.
6. Восточные отцы и учителя Церкви IV века. Антология [Текст] / в 2-х т. Т.2. – М., 1999.
7. Плеханов, Е.А. Духовно-академическое течение в отечественной педагогике [Текст] / Е.А. Плеханов // Национальные лики педагогических универсалий (проблемы теории и истории русской педагогики) / сб. науч. ст. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 65-83.
8. Маслов, И. (схиархимандрит) Симфония. По творениям святителя Тихона Задонского [Текст] / И. Маслов. – М.: Самшит, 1996.
9. Белозерцев, Е.П. Образование: историко-культурный феномен [Текст]: курс лекций / Е.П. Белозерцев. – СПб.: Юридический центр-пресс, 2004.
10. Осипов, А.И. Православное понимание смысла жизни [Текст] / А.И. Осипов. – Киев, 2001.
11. Брянчанинов, И. (епископ) Письма к разным лицам [Текст] / И. Брянчанинов. – Сергиев Посад, 1917. – Вып. 2.
12. Нейгум, М. (протоиерей). Сокровищница духовной мудрости / М. Нейгум. – М.: Русь, 2002.
13. Плеханов, Е.А. Философско-педагогическая антропология «нового богословия» [Текст]: монография / Е.А. Плеханов. – ВГПУ, 2002.
14. Франк, С.Л. С нами Бог. Три размышления [Текст] / С.Л. Франк. – YMCA-PRESS, 1964.